

*Наоми занята поисками корней.
Почему сейчас? Она говорит:
Всё изменилось. В новой России
не все пути ведут к братским могилам.*

Когда дочка и зять уходят на работу, Аня ставит на плиту чайник, и пока греется вода, она спускается вниз к почтовым ящикам. – Барыня, барыня идет! – слышит она шепоток соседки. Аня никогда не сидит на лавочках у подъезда и не сплетничает, а потому сама является объектом их пересудов. Ее уже и генеральшей объявляли, и народной артисткой, и шпионкой на пенсии. Из почтового ящика Аня достает рекламные брошюры и письмо в узком голубом конверте. Поднимаясь к себе, она машинально переворачивает конверт, и сердце ее замирает, а потом начинает биться медленно и тяжело, бухая в груди как паровой молот «ах! ах! ах!». Аня чуть не бегом преодолевает последние ступеньки, закрывает дверь на лестницу и долго стоит, прижимая к себе голубой конверт. А в голове вертится: «Нома! Номочка, сестричка, жива!» На кухне весело свистит чайник, тихо бормочет в комнате телевизор. Наконец, Аня приходит в себя и медленно идет на кухню. Ножом она аккуратно вскрывает конверт и вынимает два мелко исписанных листка.

Аня знает этот почерк, помнит эти ровные горизонтальные черточки над прописной буквой «т» и кудрявые завитушки заглавных «Б», «К» и «Н». Так писала их с Номой учительница Клавдия Маркеловна, так до сих пор пишет она сама. Аня читает письмо и слышит голос Номы:

*Она пишет письма –
никого не находит на Украине –
пропали все.*

В Белоруссии – никого.

А потом, после долгих поисков,

весточка из Челябинска:

Анна Ведрова.

Аня? Потерянная кузина?

Она теперь Наоми, живет в Австралии, где все ее зовут именно так. Она прожила долгую жизнь, полную трагедий, потерь, но и очень большого счастья и творчества. В прошлом году ей исполнилась, страшно сказать, - девяносто лет!

«Аня, тебе тоже в следующем месяце будет девяносто, - пишет Нома – станешь старушкой. Помнишь, как мы думали, что пятьдесят – это уже глубокая старость, и остается только ожидание смерти. Прошло уже сорок лет после пятидесяти, а я все живу, пишу и статьи, и стихи. И еще мне до сих пор снится сон из детства, в котором я летаю над нашей Сунгари и вижу свое отражение в воде.

Я осталась совсем одна. Все связи с родными оборваны. Я так рада, что нашла тебя, Анюта! Напиши мне, что ты знаешь о наших родителях».

Наоми объясняет – это ради детей:

*я так и не расспросила маму,
а папа был скрытным... Он ведь
порвал со своей семьей,
когда женился на маме.*

...Аня всегда просыпается на рассвете. В ее спальне, тесной, выкроенной из широченного коридора трехкомнатной квартиры, нет окон. Но рассвет Аня чувствует, как чувствуют солнечный свет ослепшие старики, – не видя, но зная, что солнце уже встает. В доме довоенной постройки с толстыми стенами, широкими окнами и большими комнатами с высокими потолками почти не слышно уличного шума, даже трамвай, грохочущий и звенящий под окнами с конца тридцатых годов, не мешает. Аня тенью проскальзывает по коридору в туалет и, вернувшись, устраивается в кровати с книгой в руках. Она не любит выходить из своей «светелки» до ухода на работу дочери и зятя.

Из книги Аня достаёт вчерашнее письмо, медленно разглаживает листки, исписанные знакомым крупным почерком, и снова слушает голос Номы.

*Дети полны любопытства –
Дед – польский шляхтич,
Бабушка из клана раввинов...*

Аня поднимается рано только в субботу и воскресенье, чтобы уйти из дому еще до того как встанут дети. Она навещает подруг, которых с каждым выходными становится все меньше и меньше, – только в этом году троих на погост проводила.

– Скоро и слова не с кем будет сказать! – сокрушенно думает Аня. Если же к воскресному обеду должны прийти внучка с правнуком, то Аня с рассветом начинает возиться на кухне. Поставленное с вечера тесто к утру поднимается и дышит, готовое выползти из большой глиняной миски. Аня закатывает рукава, повязывает голову косынкой и принимается за пирожки.

После обеда, оставив за столом потного захмелевшего зятя и, алеющего лицом, мужа внучки Наташи, допивать остатки, а дочку с внучкой шептаться на кухне, Аня с правнуком Сашенькой уходят в большой парк в конце улицы. В Пушкинском парке им не скучно даже зимой, когда не работают аттракционы. Они гуляют по аллеям и разговаривают.

– Бабушка, – просит Сашенька, – расскажи, как ты жила в плену у китайцев, и про маму с папой, которые у тебя тогда были, ну, ты помнишь, да?

– Помню, милый, помню, мой хороший, – на миг зажмуривается Аня, – все помню, как будто вчера это было ...

*Память всплывает, как снег тополей,
как парашюты-зёрна огромных вязов...
Аня, помнишь их вкус?*

– Бабушка Аня, – перебивает Сашенька, – а как звали твою маму? Моя мама – Наташа, а твоя ..?

– Рахиль! – вырывается у Ани, и она в тот же миг понимает, что говорить этого не надо было.

– О! – Сашенька поражен, он даже останавливается. – Нам про нее в школе рассказывали. Ее сын Иосиф Прекрасный, как в сказке. Его еще украли в Египет!

Бабушка Аня, у тебя был брат Иосиф?

– Нет, Сашенька, – тихо отвечает Аня, поглаживая Сашенькину ладошку подушечкой большого пальца, – у меня был брат Владислав, Ладя. Его забрали в тридцать девятом, и мы больше не виделись.

– Его забрали в Египет? – недоумевает Сашенька. – А почему твой папа не смог его найти и вернуть?

– Папы уже тогда с нами не было, – пытается объяснить Аня, – его взяли сразу, на первой же станции, а нас с мамой и няней Пашей отправили дальше. У меня еще сестра была, совсем малышка... - она умолкает.

Сашенька терпеливо ждет продолжения, потом не выдерживает:

– А как звали твою сестру? А это вы от китайцев уезжали, да? На поезде? А куда вы приехали?

Аня усаживает Сашеньку на скамейку. Скамейки теперь покрашены, мусор стали убирать, и в парке чуть не на каждой аллее есть продуктовая палатка, – не то, что в пятидесятые, когда к единственному лотку с мороженым выстраивалась получасовая очередь.

Саша сразу же вскакивает на скамейку коленками и обнимает Аню за шею маленькими теплыми ручками.

– Р-рассказывай, бабуля, говор-ри! – приказывает он, перекатывая во рту недавно освоенную букву «р».

– Сестру звали Ира, мама ее так и записала «Ира Ведрова». Она умерла от скарлатины зимой сорок четвертого здесь, в Танкограде.

– Сорок четвертого... – тихонько шепчет Сашенька

– Вот весной пойдём на кладбище, я тебе ее могилку покажу. И мама моя возле нее похоронена, Ведрова Раиса. А из Харбина нас поездом отправили, в августе тридцать пятого это было...

– А Харбина – это где, у китайцев? – не понимает Сашенька.

– Тогда Харбин был русским городом, - рассказывает Аня, глядя по волосам, прильнувшего к ней Сашеньку. – У нас дом был свой, беленый, двухэтажный, ставни резные. Как мы в Харбине хорошо жили! Няня у нас была, Прасковья, Паша, она вместе с нами уехала.

Няня Паша, - повторяет Сашенька. – А китайцы вас в плену держали?

Вот я бы их! Ба Аня, у меня в компьютере игра есть, там такие монстры, прямо как китайцы, я вчера их всех взорвал!!

По аллее проходит молодая мамочка с коляской.

– Как внучек-то на вас похож! – улыбается она, и Аня с Сашенькой улыбаются в ответ. Люди теперь не боятся смотреть друг другу в глаза и смеются гораздо чаще, чем раньше.

Сашенька и вправду очень похож на Аню, внучка Наташа тоже светловолосая и синеглазая, совсем как Аня в молодости. А вот дочка Ира уродилась в мамину родню, смуглая, кареглазая, кудри выются. И полная она, совсем как мама и тетя Дебора в молодости. Сама Аня сохранила стройную фигуру и прямую спину, сзади ее еще за молодую принимают. Волосы, правда, седые совсем, но Ира ее подкрашивает, не дает опускаться.

– А расскажи опять, как вы в ночнушках купались, – вдруг со смехом вспоминает Сашенька. – Когда еще купальников не изобрели!

Помнишь купальню для женщины?

Мальчишки ныряли под брёвнами,

грузные мамы визжали...

Мы были худышки.

– У меня в Харбине была сестра двоюродная Ленора, Нома, – рассказывает Аня. И задумчиво нараспев декламирует: «Она Ленорой, при луне, со мной скакала на коне!»

– Нет, – смеется она, глядя в удивленно распахнувшиеся Сашенькины глаза, – нам родители не разрешали верхом скакать. Только Ладе папа позволял ездить на нашей лошадке. Мы с кузиной Номочкой однажды из купальни подсматривали, когда Ладя лошадь в реке купал! Мы с ней погодки, дружили, секретничали, играли вместе. Нома часто пропускала школу, болела, и тогда мама отводила меня к ним, чтобы ей не было скучно. Мы с ней шалили, нам часто попадало то от ее мамы, то от моей. Они уехали в Шанхай, как раз перед тем как нас ...

Аня закрывает глаза и слышит голос кузины Номы:

«Анюта, мой папа думает, что работа на железной дороге скоро кончится. Мы уезжаем в Шанхай...»

Как они плакали, расставаясь!

– Бабушка Аня, – не понимает Сашенька, – а как вы шалили?

– Мы... – Аня задумывается.

Помнишь, однажды

Сунгари разлилась?

Лодки нас развозили по городу!

*Потом была эпидемия, и нас застукали
во время холеры с чёрными от вишни губами...*

– А холера хуже СПИДА? – интересуется Сашенька. – А у нас в классе есть Элеонора, но ее все называют Элей. – И важно добавляет – Она татарка. А твоя сестра – татарка?
– Нет, Сашенька, Нома не татарка, - улыбается Аня, тяжело поднимаясь со скамейки. – Пойдем-ка домой, миленький, уже вечереет.
– Бабушка, – подпрыгивает рядом с ней Сашенька, – а почему ты говоришь как Пушкин? Сейчас не говорят «вечереет», и миленьким меня никто не зовет. Я – Саша!
– Конечно, Саша! – подтверждает Аня. – А говорю я по-старинному, потому что мама с Пашей так говорили, вот я и привыкла.
– Нет, – Сашенька забегает вперед и смотрит ей в лицо. – Папа сказал, что ты – динозавр прошлого! А в школе нам говорили, что все динозавры умерли. Ты не похожа на динозавра, ты красивая, у тебя блузка с кружевами и значок с камушками. Ты тоже умрешь?
Аня поднимает голову и смотрит на ярко оранжевые верхушки деревьев, глаза ее полны слез: только один человек ей говорил, что она красивая. И вот еще Сашенька сегодня.
– Это называется брошка, – Аня касается камеи у ворота.
Кружева на белую, непонятно мужскую или женскую рубашку, она вывязала сама из катушечных белых ниток, - мода унисекс у нее не приживается. А камешка мамина, и бриллианты на ней самые настоящие. Никто из родных и подумать не может, что у нее остались какие-то ценности. Мамины изумрудные серьги и кольцо Аня подарила внучке к свадьбе. Наташа с мужем сразу же продали их и купили машину. Конечно, машина им нужна – работают оба на другом конце города, два раза в неделю возят Сашеньку в спортивную школу. А летом - дачные хлопоты.

*Дачи за нашей рекой... наша
любимая Зотовская заимка...
Сколько нас тогда было!
Отцы приезжали из города,
нагруженные фруктами...*

Домашние пьют чай с пирожками. Аня сегодня напекла с луком и яйцом и с творогом и изюмом. Зять обиженный, что нет любимых пирожков с мясом, ворчит: «Изощраемся, словно и не русские: изюмы, яйца!»

- Один, два, три, четыре..., - считает про себя Аня, - десять!

Она снова дышит ровно, лицо спокойно-непроницаемое.

Наташин муж доливает в чашку кипяток из чайника, подхватывает с блюда очередной пирожок.

- Я когда в университете учился, часто бывал у Борьки Зильбермана. Какие рулеты его мамаша пекла!

Он поворачивает разгоряченное лицо к Ане.

- Не в обиду вам, Анна Андреевна, я ваши пирожки очень уважаю. – И добавляет невпопад. – Борька большим человеком стал, компания своя, работает, говорил по двенадцать часов в сутки, на работу меня звал. Дочка с внучкой переглядываются, а зять презрительно фыркает.

Наташа кормит Сашеньку, и дети собираются домой – завтра понедельник, всем рано вставать.

Посуда вымыта, большие блюда для пирожков с золочеными витыми ручками – остатки дрезденского сервиза – упрятаны за стекло в серванте.

Дочка расчесывает крашенные рыжим волосы и рассказывает Ане как ей неуютно на работе. Она теперь ежедневно жалуется родным, что в бухгалтерии поменяли программу, а где же ей угнаться за своими заведующими отделом, молодыми и прыткими Грановским и Сигалом.

- В администрации должны работать солидные люди, а не вчерашние студенты! – неизвестно кому доказывает Ира.

Аня не очень сочувствует дочкиным страданиям, но старается убедить себя, что Ира работает много и тяжело, что для ее самолюбия очень болезненно, что она стареет и уже не может конкурировать с молодежью.

- Жиды они! – заключает из спальни зять сонным голосом.

Ира, наконец, перестает критиковать свою «молодую команду» и уходит спать, а Аня еще раз проверяет, закрыта ли дверь на лестницу, и тоже идет к себе в «светелку». Она включает свет, ложится, берет с тумбочки книгу, в которую вложено письмо от Номы.

Как ты живёшь, Аня?

Какая была у тебя жизнь?

Аня гасит лампу и закрывает глаза.

Какая была у нее жизнь? Такая же, как у всех ее подруг, у всего предвоенного поколения. Выпускной вечер был в субботу, а в

воскресенье началась война. Они встречали рассвет такие, по-щенячьи счастливые, в накинутых на плечи мальчишеских пиджаках, еще не зная, что где-то уже гибнут люди. Через неделю город наводнили эвакуированные. За первые три месяца войны население Челябинска увеличилось вдвое – ни милиция, ни НКВД не успевали за всеми углядеть. Видно поэтому, Ане удалось поступить в фельдшерско-акушерскую школу. Посмотрел зав учебной частью ее школьный табель, прочитал анкету, хмыкнул, да и подписал заявление. Он назавтра на фронт уходил, захотелось, видно, напоследок доброе дело сделать. Аню он предупредил, чтоб не высывалась и чтоб о семье много не болтала. «А где родилась – вообще забудь! – наставлял он новую студентку. – Считай, что Китая в твоей жизни не было, - здесь жить начала!»

И закрутились в Аниной жизни военные годы. Занятия в три смены, дежурство в госпитале, работа в госпитальной прачечной. Повезло еще, что до учебного корпуса на Больничной улице идти было всего ничего - от парка Пушкина по Свердловскому проспекту. С мамой они почти не виделись, а когда случайно сталкивались при дневном свете, то Аня каждый раз поражалась, как мама исхудала. А мама обнимала Аню со словами: «Как же ты выросла, девочка моя дорогая!» Няня Паша отоваривала карточки, вела хозяйство и называла их с мамой «солдатики мои». Ангелом-хранителем была Паша: как бы голодно не было, а их всегда ждала дома кастрюля с супом, завернутая в старое одеяло. Аня вздыхает и поворачивается на другой бок.

Какая была у нее жизнь?

Наверное, хорошая. После войны она вышла замуж, единственная из всех девушек в их доме, - повезло. Запала в сердце своему Николаше еще совсем девочкой. Он в сорок втором в госпитале лежал, а они, студентки, там концерты давали. Аня с подружкой Ниной пели еще мало кому известную «Землянку» Суркова, только недавно в «Комсомольской правде» напечатанную. Три раза их с Ниной заставляли на бис петь, многие раненые плакали. Николаше в тот день операцию делали, осколок из голени вынули, он еще не вставал, на носилках в зал занесли. После концерта санитарка попросила их с Ниной подойти к нему, зовет, мол. Так и познакомились они, потом он ей письма писал. А после победы жениться приехал.

Аня улыбается.

Платье ей Николаша свадебное из Германии привез из голубого креп-жоржета, юбка и рукава плиссированные, как сейчас перед глазами стоит! Маме он очень понравился, полнобила как сына, все равно, как

если бы Ладя вернулся: не знала, как обласкать, чем угостить. И Паше он по душе пришелся. Так вот и стали они жить в квартире этой. Николаша ее называл «Аннушка-красавица». В сорок восьмом сын родился, Андреем назвали, потом в пятьдесят шестом Ирина. Няня Паша еще успела ей детей вынянчить, в детсад отдавать не пришлось. Потом они все вместе за мамой ухаживали...

Анины закрытые глаза наполняются слезами. Она поворачивается на другой бок, достает из-под подушки носовой платок.

Мама перед смертью стала легкая, маленькая, как девочка все равно. А в Китае, Аня помнит, мама была полная, с высокой грудью, Их сосед всегда языком цокал, когда они с мамой мимо шли. Папе все говорили: «Какая красавица ваша Рахиль!»

Когда умер твой папа?

Где он родился?

Аня никогда не спрашивала маму о папе, не хотела ее расстраивать. Она так и не узнала точно, откуда папа родом, кто его родители. Няня Паша вспоминала, что мама рассказывала, что он «на путейца» в Петербурге учился. У них в Харбине в каждой семье были путейцы, почти все на дороге работали. В восьмидесятом году, когда уже не было ни мамы, ни Паши, а ее, Аню, проводили на пенсию, она решила пойти в Комитет и узнать о судьбе папы. Сколько переговорено с Николашей шепотом в спальне, сколько придумано вариантов папиной судьбы! Аня хотела надеяться, что он жив, просто не может их найти, живет где-нибудь в Караганде или в Джекказгане, а может даже в близком Златоусте. Аню в Комитете приняли очень вежливо и на запрос о папе и брате, обещали прислать ответ.

Анины слезы пролились на подушку и теперь уже бегут из глаз без остановки. Она садится на кровати и, стараясь не зарыдать в голос, вытирает глаза платком. Ответы пришли в один день в двух одинаковых белых конвертах. Николаша ждал ее, не открывал, и читали они, прижавшись друг к другу, как дети, ищущие у материнской груди сочувствия и защиты.

Аня достает из ящика тумбочки тетрадку и шариковую синюю ручку.

*«Дорогая Наоми, твоё письмо
было ударом грома. Я помню всё,
даже твой голос. Твоя мама пекла*

*замечательный штрудель. Те годы,
Наоми, были счастливейшими
В моей жизни. Я помню всё...*

Моего папу расстреляли прямо на станции по приговору суда, вынесенного заочно. Их всех судили, когда мы еще были в Харбине. Бессловесные обвиняемые и быстрый суд. Мы ехали неизвестно куда, а мама и Паша волновались, как папа будет нас догонять, как, мол, узнает, на какой станции сойти. Нашего Ладю забрали в тридцать девятом, он прожил после ареста еще четыре года. Его осудили на 10 лет за антисоветскую агитацию. Наверное, кто-то донес, такое случалось. Умер он в лагере. Я так и не смогла поехать и поклониться их могилам, а теперь уже не получится. Помолись за них, Номочка.

Ты пишешь:

*Я составляю семейное
древо. С кем из родных
у тебя сохранилась связь?
Где они живут?*

Я не имею связи ни с кем. Много лет такая связь могла означать только одно – арест. А у меня росли дети. Сын, Андрей, стал инженером, был такой талантливый мальчик, умница. Он погиб в семьдесят восьмом – авария на шахте. Оставил молодую жену, детей завести не успел...» Аня снова вытирает слезы. Надо написать о чем-то хорошем. Нома пишет о своей жизни, она везде побывала, путешествовала, работала в газете, много печаталась, писала стихи. Обещала прислать Ане свои книги.

«У меня был замечательный муж, - продолжает Аня, - мы прожили очень долгую и счастливую жизнь. Уже пятнадцать лет как я его похоронила, а каждый день вспоминаю, ты понимаешь меня, Ном?»

Это письмо ты должна обдумать.

Я овдовела и живу с дочкой.

*Она хорошая девочка, но
настроена против евреев.*

...Мы выдавали

себя за русских, и теперь даже

дочка меня не подозревает...

*Ном, я тебя расстраиваю,
я знаю это, сестрёнка, но если ты
всё же захочешь переписываться,
пиши только на “До востребования”.*

Во вторник Аня, наконец, выбирается на почтамт. До Кировки она решила идти пешком, спешить некуда. У почтамта Аня садится на скамейку рядом с бронзовым ветераном и долго молча отдыхает, глядя на огромный памятник танкисту. Рукой Аня накрыла холодную руку скульптуры. Ветеран кажется Ане похожим на Николашу: и взгляд такой же, и орден Красной Звезды, и орденские планки на пиджаке. Мысленно поговорив с Николашей, Аня гладит его по руке, потом поднимается со скамейки и идет на почтамт.

Наконец, письмо в далекую Австралию падает в почтовый ящик, и Аня медленно и устало идет обратно домой. «Годы! – думает она дорогой, – вроде бы уставать не из-за чего, а к концу дня – как будто весь день раненых на второй этаж перетаскивала. . . – И тут же обрывает сама себя: –Каких раненых, Аня, уже шестьдесят пять лет как война кончилась!» Взгляд Ани падает на бронзовую фигуру солдата-афганца, так похожего на певца Розенбаума, и она тяжело вздыхает.

Домой Аня добралась благополучно, успела еще прилечь на часок, так что к приходу Иры была уже в порядке.

- Мама, я хочу пригласить гостей на твой день рождения, - начинает дочка. – Все-таки, у тебя юбилейная дата. Позовем всех, кто знал тебя: моих девочек, Наташиных подружек. Мы все выросли с тобой, мы хотим отпраздновать, когда еще придется. . . – тут она умолкает, чувствуя, что увлеклась.

– Хорошо, – Аня понимает, что спорить бесполезно, и что в воскресенье Ира с Наташей уже все обсудили и решили, - но в следующий раз будем праздновать не раньше, чем через десять лет!

Ира смеется, радуясь, что мать так легко согласилась, и начинает обсуждать, что можно приготовить заранее, а что они с Наташей будут стряпать утром в воскресенье.

Ночью Ане приснился Николаша. Он шел мимо лавочки с ветераном и смотрел на Аню укоризненно, потом помахал ей рукой. Мимо прошли мама с няней Пашей, вели за руки Иру. Сестренка весело подпрыгивала и что-то напевала. Аня хотела подойти к ним, но не могла подняться со скамейки, а они уходили все дальше и дальше по Кировке к реке. Мама

обернулась, улыбнулась Ане и сказала: «Ты всегда была умной девочкой, ты знаешь, что делать!»

Аня просыпается на рассвете и долго лежит, не открывая глаз. Ей через неделю исполнится девяносто, она – динозавр, у нее почти не осталось сверстниц. Нина Валеева, закадычная подруга, почти не ходит, и на ее день рождения, конечно, не выберется. И Нома даже открытку не пришлет, потому что еще не получит ее письма и не узнает, нашла ли она свою сестренку Анюту.

День рождения, вопреки ожиданиям Ани, прошел очень хорошо. Утром Ира с Наташей поздравили ее и подарили ей шикарный голубой шифоновый костюм с кружевным воротничком.

– Ну, похоже это на твоё свадебное платье? – смеясь, спрашивала Наташа. – Ты у нас, бабуля, еще красавица хоть куда!

Зять удивил Аню несказанно, исчезнув ненадолго после завтрака, и появившись с букетом роз.

– Мама! – он неловко сунул ей букет прямо в лицо. – Я вас поздравляю и желаю вам здоровья на многие лета. Мне, можно сказать, повезло с тещей! – И, глядя на Иру с Наташей, в удивлении застывших у кухонной двери, добавил, – Ну, и с Иркочкой, конечно, тоже!

Наташа все утро помогала на кухне, потом поехала домой переодеваться. Они с мужем вернулись через час с сюрпризом. Уговорили тетю Нину Валееву приехать отпраздновать день рождения бабушки Ани. Сашенька раскрасил большие цифры девяносто, каждая на отдельном листе напечатана, и вместе с отцом они пришили их на ковер над диваном.

Еще Сашенька потребовал шарики, а то «что за день рождения без шариков!?!», и мужчины чуть не два часа их надували и развешивали.

Пришли гости, стало шумно. Потом долго рассаживались за столами, детей усадили на диванных подушках вокруг журнального столика.

Много было выпито и много тостов сказано в этот день, и Аня, сама себе удивляясь, наслаждалась общением с компанией молодых и не очень, но годящихся ей в дети, таких разных людей. Расходились поздно, прощались, обнимали Аню, еще раз желали здоровья. Наташина подруга с мужем взяли отвезти домой уставшую Нину.

Сашенька давно спал на диване в кабинете. Ира с Наташей его раздели, накрыли одеялом, подставили к узкому диванчику стулья, – не скатился бы ночью на пол. Чистую посуду носили в гостиную, – даже зять сегодня не ушел спать, помогал. Аня сидела у стола и перетирала рюмки, Ира расставляла в серванте бокалы, Наташа домывала остатки. Наконец все

было убрано. Внучка с мужем сели в кресла, дочка с зятем устало опустили на диван. Аня повернулась к ним.

– Милые вы мои, спасибо вам за подарки, за чудесный день рождения! Наверное, такого хорошего у меня уже не будет, спасибо, что порадовали напоследок!

– Да вы, мама, еще в полном здравии! – отозвался зять, - Раньше люди крепкие рождались, вы еще нас переживете!

– Не дай господь, пережить детей своих, – возразила Аня, – все должно идти естественным путем. Дети мои мне глаза закроют, а их дети уже им самим. Счастлив тот, кто уходит, на детей и внуков полюбовавшись, а мне такое счастье выпало: Наташу замуж выдали, правнук растет.

- Я тебя, бабуля, еще лучше порадую - подняла сонные глаза Наташа, - сейчас такое скажу, что у тебя похоронные мысли сразу пройдут. – Мам, папа, не спи, бабуля, у нас ожидается прибавление семейства! Всем кричать ура!

- В добрый час, Наташенька, - заулыбалась Аня, - давно пора было.

Сашенька братика или сестричку уже и просить перестал – то-то радости будет!

- Тусенька! – Ира бросилась обнимать дочку

- Туська, так держать! – потряс руками над головой зять. – Молодцы, ребята!

Наташу засыпали вопросами, но оказалось, что срок еще очень маленький, ультразвуковое исследование не делали, а в остальном, все идет нормально, и чувствует она себя очень хорошо – никакого токсикоза. Наконец домашние утомнились и снова посмотрели на Аню, что мол, еще бабуля им сказать-то хотела.

- Мне сегодня минуло девяносто, - начала Аня, - стыдно мне уже лгать, особенно вам, родным людям. Я хочу вам рассказать правду о нас.

Она уронила руки на стол, мысленно, как привыкла за последние пятнадцать лет, спросила Николашиного совета, и начала рассказ.

- Маму мою звали Рахиль, в девичестве Коэн. Она из клана раввинов в Могилеве, это в Белоруссии. Первой красавицей была, ее за какого-то главного раввина хотели выдать. Но перед свадьбой она из дому убежала, села в поезд и уехала к сестре. Тетю мою, Дебору, по большой любви, офицер годом раньше из дому увез. Службу ради нее оставил, инженером в управлении железной дороги работал. Вот к ним мама и убежала, – они тогда в Петербурге жили. Там, наверное, и с папой познакомилась, потому что в Китай они уже все вместе уехали. Потом брат мой родился, через пять лет я, а потом сестра наша – Ира. Мы очень

хорошо в Китае жили, там русских много было, революция нас не затронула, только еще больше народу приехало. В тридцать пятом году после наводнения нас стали насильно в Россию вывозить. Родители, помню, ехать совсем не хотели, но китайские власти не защитили. Загнали солдаты людей в поезд, и в Россию повезли. Папу вместе с другими мужчинами из нашего вагона на первой же станции сняли с поезда, потом, узнала я, – там же и расстреляли. А нам повезло: и поселили в городе, не в степи голой, и квартиру дали, и маме, как только новые документы выправила, сразу предложили работу. Паша, наша няня, с ней в суд ходила и свидетельствовала, что она русская и зовут ее Раиса Ведрова, в девичестве Долгова. Это Пашина фамилия была, она в суде присягала, что мама ей сестра. А паспорт, будто бы, у отца в кармане остался, – им ведь не сказали, когда отца из вагона выводили, что насовсем забирают. Евреев в то время уже на хорошую работу не брали, а нас у мамы трое было, и Паша всегда с нами жила. Так стала моя мама русской, и всю жизнь в отделе технической документации на тракторном проработала. Она до самой смерти надеялась, что папа жив, и Ладя, брат мой, из лагерей вернется. После смерти Иры мама долго оправиться не могла, все говорила, что это ей за предательство наказание Б-жье.

Аня вдруг задохнулась, закашлялась, Наташа сбегала на кухню за водой. Аня отпила воды, отдышалась и продолжала.

- В тебе, Ира, четверть еврейской крови, в Наташе восьмушка. А по еврейскому закону и я чистокровная еврейка, и дочка моя, и внучка. Вы уж простите, родные, огорчила я вас сегодня, и за нашу с мамой ложь во спасение тоже простите. Я неделю назад письмо получила от Номы, кузины моей, маминой сестры, тети Деборы, дочки. Они в Китае остались, из Харбина успели в Шанхай уехать, потом в Австралию. В Сиднее она живет, зовут ее теперь Наоми. Русский язык не забыла, стихи пишет, дневник на русском ведет. Я сначала ей написала, чтоб она на главпочтамт письма отсылала, а потом стыдно мне стало. Девяносто лет и все в страхе жить, во лжи этой... Не хочу!

Тихо было в гостиной. Потом Наташа тихонько сказала, носом шмыгнув: - Бабулечка моя любимая, как хорошо, что ты у нас есть!

А зять, кряхтя, поднялся с дивана, подошел к Ане и руку ее, безвольно на столе лежавшую, к губам поднес.

...Последние три ночи перед днем рождения Аня почти не спала, ворочалась, вздыхала, все думала о письме Номы. Она лежала без сна, глядя в темноту, пока перед глазами не начинали танцевать белые

сполохи, и год за годом вспоминала свою жизнь. И все думала, как сложилось бы, останься она в Китае. Уехала бы потом как Нома куда-нибудь в Австралию или, допустим, в Аргентину. Как путешествовала бы она по всему миру, встречала бы много интересных людей. Всех, кроме Николаши. И никто бы никогда не назвал ее «Аннушкой-красавицей», а как-нибудь по-другому ей совсем не хотелось. И не отпускали ее эти мысли до рассвета.

А сегодня, уставшая от хлопот, Аня еле-еле добрела до своей «светелки» и заснула тяжелым сном, как только голова коснулась подушки. Во сне пришел к ней Николаша, обнял, погладил по волосам, и они вдвоем полетели далеко-далеко в небо синее и прекрасное как Анино свадебное платье.

Семейное дерево?

Мы жгли всё дерево

на отопление.

Это спасло нам жизнь.

* В рассказе использованы выдержки из одноименного стихотворения австралийской поэтессы Норы Крук.